

Военные корреспонденции А.Н. Толстого из Англии: публикации и автореминисценции (1916–1995)

Обстоятельства написания корреспонденций из Англии, публиковавшихся в газете «Русские ведомости» с 1 марта по 4 мая 1916 г., объяснил сам автор: «Английское правительство через посла пригласило нас, — шесть человек, — посетить Англию и английский фронт, чтобы мы увидели своими глазами, какую работу развила Англия за полтора года, как сражаются англичане, и какую силу готовятся противопоставить германцам в недалеком будущем» [Толстой, 1916, с. 7–8].

Всего на страницах газеты появилось 11 «писем»-очерков: четыре под рубрикой «В гостях у англичан», затем, по порядку, «Уэлльс», «Английский фронт» (четыре «письма»-очерка), «Капитан Джонс» и «Лондон». В них изложены главные впечатления автора от английского общества, армии, флота, правительства, культурной жизни и т.д. Основное внимание уделено отношению англичан к России и русским. Очерки эссеистичны, здесь много субъективных мнений о национальной физиономии обоих народов, об отдельных людях, прогнозов о развитии англо-русских связей, личных наблюдений. Тон очерков — благожелательный по отношению к Англии и ее народу. Однако, стремясь быть объективным, автор останавливался и на некоторых отрицательных чертах: таковы описание «Русской выставки» в Лондоне с ее нелепыми «уголками России» и упоминание о том, что англичане зачастую переводят второсортных русских писателей.

Вскоре, 25 декабря 1916 г., в г. «Киевская мысль» был опубликован еще один очерк из «английского цикла» — «Крепкое развлечение» (с. 4–5), повествующий о боксерском бое в одном из спортивных клубов Лондона.

Однако еще до его выхода военные корреспонденции из «Русских ведомостей» были собраны вместе и опубликованы под общим заглавием «В Англии» в шестом томе второго издания Собрания сочинений Толстого в том же 1916 г., без очерка «Крепкое развлечение» [Толстой, 1916, с. 7–76]. Но и с первой газетной публикацией в «Русских ведомостях» книжная версия 1916 г. совпала не полностью. Во-первых, это отсутствие в книжном издании четвертого «письма» из рубрики «В гостях у англичан» под названием «Прогулка с Конан-Дойлем» [Русские ведомости, 1916, с. 2]. Почему автор не включил его в свое Собрание сочинений, остается непонятным: помимо портрета известного писателя, здесь и не встречающаяся более в очерках характеристика английского типа религиозности, и любопытные приметы военного времени. Таким образом, в книжной версии корреспонденций из Англии отсутствовали сразу два очерка, основанных на английских впечатлениях Толстого весной 1916 г., — «Крепкое развлечение» и «Прогулка с Конан-Дойлем».

Кроме того, книжная публикация, по сравнению с газетной, несколько иначе структурирована: во-первых, она состоит не из 11, а из 14 частей (за счет того, что последнее газетное

«письмо» о Лондоне разделено здесь на 4 части); во-вторых, в третьей части появился заголовок «Флот», а газетные заголовки «В гостях у англичан» были сняты совсем. И наконец, книжная публикация несколько сокращена и стилистически отредактирована. Так, например, в IX разделе выпущен целый III отдел из соответствующего «письма» в газете, где говорилось о заботе со стороны русских парижанок, в частности А.В. Ольштейн, о русских и английских военнопленных на территории Германии. Здесь же было рассказано о зверском поступке немецких офицеров, ради спасения собственных жизней зарезавших французских детей. Возможно, автор считал эти отрывки не имеющими прямого отношения к английской теме.

Дальнейшее исследование мы будем вести, опираясь на книжную версию очерков 1916 г. как последнее авторское волеизъявление. Темы и идеи цикла «В Англии» в последующие годы развивались Толстым в ряде произведений, подчас в весьма неожиданных ракурсах и контекстах. Рассмотрим замеченные нами переклички в хронологической последовательности.

Еще в годы Гражданской войны, 7 декабря (24 ноября) 1918 г., Толстой опубликовал в г. «Одесский листок» статью «Пусть они не ошибутся», продолжавшую апологетическое изображение англичан в очерках 1916 г. Здесь переданы впечатления жителей Одессы в связи с высадкой в ее порту союзного — английского и французского — десанта. У двух английских матросов — «добродушные, точно детские, лица, открытые и ясные». По отношению к нынешним русским, англичане — «люди другой породы» [цит. по: Толстая, 2006, с. 304–306], несущие на себе печать единства и славы своей родины. В воспоминании о недавней поездке шести русских журналистов в Англию появился новый, по сравнению с очерками 1916 г., мотив: Толстой говорил о чувстве страха перед разоблачением русских англичанами в том, что они не умеют ценить свою родину, погрязли в розни и распрях. Возможно, по мысли автора, страшный опыт революции научит каждого русского «дело родины» ставить выше «своего личного дела» [цит. по: Толстая, 2006, с. 306].

В 1923 г. Толстой написал очерк «О Париже» [Петроград, 1923, с. 13–16], начало которого посвящено посещению французской столицы в 1916 г. во время поездки из Англии на материковый Западный фронт. Это развитие одной из тем очерков «В Англии» 1916 г.: когда-то людные и шумные бульвары стали пустыми, кафе закрыты, окна домов темны и улицы освещены только звездами... [Толстой, 1916, с. 58–59]. Полторы страницы описания Парижа 1916-го года ужимаются до нескольких строк в 1923 г.

4 апреля 1927 г. в однодневной газете Федерации советских писателей «Рабочим Шанхая» был напечатан очерк Толстого «Бокс», оказавшийся переделкой, в духе советской идеологии и в соответствии с новой политической ситуацией, очерка «Крепкое развлечение». Затем, с утратой заголовка, текст «Бокса» вошел в состав большого фельетона «Англичане, когда они любезны», впервые напечатанного в том же 1927 г. в журнале «Огонек» и вскоре вышедшего отдельным изданием [Толстой // Огонек 1927, с. 8–10; Толстой, 1927, с. 3–17]. Последнее идентично журнальному, за исключением небольшой вставки в эпизоде с «Русской выставкой» и названия китайского города в финальной фразе (Свау вместо Шанхая). В дальнейших перепечатках фельетона в советское и постсоветское время [Толстой, 1946–1953; Толстой, 1958–1961; Толстой, 1982–1986; и др.] воспроизводилось именно это отдельное издание.

Сравнение текстов «Крепкого развлечения» и отрывка, соответствующего «Боксу» из фельетона «Англичане, когда они любезны», свидетельствует о глубокой идейно-стилистической переработке первоначального очерка. Так, если в 1916 г. бой описывался в нейтраль-

ном осведомительном тоне, оба боксера — с уважением к их спортивному мастерству, а умеренный авторский негативизм ощущался только по отношению к зрителям, державшим пари на кого-либо из борцов, то в 1927 г. поединок между боксерами Гарлеем и Джипом подавался как зверски-жестокий, кровавый, грубый обычай буржуазного мира, а зрительская меркантильность и равнодушие к людской боли — как определяющие черты английского характера. Когда Гарлея, похоже, убили — проигравшая свои деньги публика ушла, с досадой замечая о победителе, Джипе, — «какой-то рабочий из предместья» [Толстой, 1927, с. 10]. Слов о пролетарском происхождении боксера, вызывавших к классовому чувству советского читателя, в очерке 1916 г. вообще нет.

Если обратиться к фельетону «Англичане, когда они любезны» в целом, то увидим, что переделка цикла «В Англии» в других частях еще более существенна. Во-первых, фельетон, по сравнению с очерком, сокращен более чем на две трети: опущены все эпизоды, связанные с посещением английского флота и Западного фронта на территории Бельгии — т.е. все то, что могло вызвать в русском читателе симпатию и уважение к Англии как союзнику России в Первой мировой войне. Оставлены и по-новому освещены только эпизоды, дающие возможность бросить на Англию и англичан тень: банкеты с обильной выпивкой, нелепая «Русская выставка», аудиенция у короля, посещение палаты депутатов; вставлен очерк о боксе, в котором, как уже говорилось, подчеркнуты жестокость и меркантильная подоплека этого зрелища.

В цикле 1916 г. Толстой с благодарностью отнесся к английскому гостеприимству, к многочисленным банкетам и тостам. В фельетоне 1927 г. подобные эпизоды оценены иначе: «В промежутке между осмотрами военных заводов, флота и фронта, устраивались для гостей банкеты с министрами и с членами королевского дома (с теми, которые были крепки выпить). На одном таком банкете герцог Девонширский», с багровым от постоянного употребления портвейна лицом, сказал гостям спич, который сводился к предложению вместе выпить в хорошей компании [Толстой, 1927, с. 8].

По-другому оцениваются и английские офицеры, сопровождавшие русскую делегацию. Если в восприятии 1916 г. это были «благодушные» люди с «глубокой простотой и ясностью... отношений» [Толстой, 1916, с. 20, 16], то в 1927 г. их поведение трактуется как напускной «стиль грубоватого добродушия»: «Только и видно было добродушнейших, почти что придурковатых людей-рубах. Ты, мол, да я, мол, англичанин да русский, — давай, парень, выпьем...» [Толстой, 1927, с. 8] Теперь англичане подозреваются в лицемерии и коварстве, в противоположность их оценке в 1916 г.: «...англичан... мы привыкли считать холодными, расчетливыми, хитрыми людьми <...> И все это оказалось неверно и как раз наоборот» [Толстой, 1916, с. 47].

Более того, в фельетоне 1927 г. английские сопровождающие прямо обвиняются в доносительстве: «р у б а х и — парни» были, по всей вероятности, офицерами контрразведки. А еще «рубахи-парни предупреждали: “Не ходите ночью по улицам, не стоит смешиваться со всяким сбродом”» [Толстой, 1927, с. 8].

Итак, теперь англичане — пьяницы и снобы, проявляющие классовое высокомерие, антидемократизм, они жестоки и грубы, лживы и лицемерны, на самом деле плохо, с подозрительностью относятся к русским. Говорится о них уже не с восхищением и симпатией, но с разоблачительной иронией и сарказмом.

Усилен и критический пафос эпизода с «Русской выставкой», которая, по сравнению с

1916 г., приобретает совсем другой смысл: теперь это не плод невежества и предрассудков относительно России, но коварный замысел, призванный сформировать в умах английских зрителей планы будущего завоевания нынешней союзницы. Таким образом, Англия 1916 г. превращается здесь в фактического врага — вместо Германии, чьи «зверства» показаны как карикатурное преувеличение, что отражает изменившуюся за 10 лет политическую ситуацию.

Теперь бывшая союзница Англия стала в конфронтацию к Советской России, разорвав с ней в 1927 г. дипломатические отношения. Напротив, бывший враг Германия, особенно после заключения Берлинского договора о дружбе и военном нейтралитете в 1926 г., стала основным торговым и военным партнером СССР.

Особый интерес представляют встреча с английским королем и посещение английского парламента.

В очерках 1916 г. о короле говорилось с симпатией, нейтральным тоном. В фельетоне 1927 г. монархическая тема шире и тон совершенно иной — сатирически-разоблачительный. Читатель должен почувствовать ничтожность монархической власти — король маленький человек, разделенный со своим народом. Подчеркнута родственная связь английского короля с русским царем Николаем II. Это выпад против английской и русской монархии вместе.

Показательны изменения и в картине английского парламента. В фельетоне 1927 г., на первый взгляд, изображено то же самое, что в очерках 1916 г.; однако с помощью мелких деталей, небольших вставок и определений достигается насмешливо-уничужительный тон, усиливаются отрицательные характеристики, акцентируются компрометирующие детали, добавляются социально-разоблачительные оценки. Так, например, описание лорда-канцлера 1916 г. продолжено следующим суждением в 1927 г.: «Но если покопаться в истории, то <...> привилегия сидеть на мешке с шерстью окажется привилегией гнать по шеям мужиков со своей земли и разводить овец, торговать шерстью» [Толстой, 1927, с. 10].

Но главное различие — в концовке фельетона. Автор использует кинематографический прием наплыва — и вместо лондонской палаты общин 1916 г., настроенной против Германии, оказывается в той же зале в 1927 г., во время резкого выступления Чемберлена против Советской России.

Однако положительный заряд английских очерков 1916 г., невостребованный в английской теме 1927 г., неожиданно реализовался в статьях Толстого «Сталин на трибуне» (1936) и «За родину! За Сталина!» (1939). Вот как рисуется образ вождя в первой из них: «Сталин... в полувоенной форме. В черных волосах седина, тень от усов прикрывает улыбающийся рот, веки внимательных глаз приподняты <...> Сталин <...> взошел на трибуну... Взглянул на бушующий зал. Налил воды... Не спеша выпил <...> Платком тронул снизу усы» [Толстой, 1953, с. 388–389]. Во второй статье усиливается акцент на скромности и трезвости вождя: «Сталин исключительно скромен <...> Вот он — на трибуне в громадном Кремлевском зале. В черных откинутых волосах — седина, тень от усов прикрывает улыбающийся рот. Приподнятые нижние веки темных блестящих глаз... Он наливает немного нарзана в стакан. Не спеша отпивает несколько капель... затем платком трогает усы» [Толстой, 1953, с. 454–456]. Обратим внимание на детали и характеристики: вода или нарзан, сухие усы щеточкой, полувоенная форма, внимательные темные блестящие глаза, простота, громадное общественное значение, спокойствие и хладнокровие.

А теперь вернемся к очеркам «В Англии» 1916 г. Сначала — к портрету сэра Джона Джелико, встреченного Толстым во время ознакомления с английским флотом: «...неболь-

шой этот человек..., такой простой и скромный, был самым могущественным из людей на свете, — начальником всего английского флота» [Толстой, 1916, с. 24]. Образ советского вождя явно вообрал в себя положительные черты облика и поведения ряда английских военных Первой мировой, в частности сопровождавшего русскую делегацию капитана Джонса, обладателя «глубоко мужской, ясной и простой души» [Толстой, 1916, с. 65]. А портрет короля свидетельствует об особенной скромности и внимательности руководителя английского государства: «все на нем, и платье, и башмаки казалось не новым и хорошо обношенным», он глядел «на нас внимательно серыми, выпуклыми глазами» [Толстой, 1916, С. 73].

В то же время Сталин является антитезой английским военным из сатирического фельетона 1927 г. в аспекте «трезвость — пьянство». Повторяются и конкретизируются мотивы воды (нарзана) и вина, сухих или обмоченных в вине усов (последние, правда, принадлежат герцогу Девонширскому еще в очерке 1916 г., но без отрицательной оценки). Сравним с вышеприведенной фельетонной характеристикой герцога Девонширского, с багровым от постоянного употребления портвейна лицом, большим носом и закрывающими рот усами [Толстой, 1927, с. 8].

В противоположность королю в изображении 1916 г., король 1927 г. очевидно контрастен по отношению к Сталину: у него «выпуклые, не мигающие, серые глаза с кровавыми жилками, как стеклянные», «усы серпом», «глуховатый голос» [Толстой, 1927, с. 9]. Подчеркнута декоративная роль монарха, отсутствие у него реального значения в жизни нации. С помощью деталей костюма теперь акцентируется не скромность, а шаткость положения короля, одетого «в теплые брюки, под которыми как-то не чувствовалось ног...» [Толстой, 1916, с. 9]. Этот костюм контрастирует с полувоенной одеждой Сталина, его быстрой походкой.

И конечно же, Сталин-оратор противостоит как депутату Асквиту из Палаты общин 1916 г. («бритому, полному человеку, с красным от напряжения лицом и с копной седых волос» [Толстой, 1916, с. 74]), так и министру Чемберлену из той же Палаты 1927 г. («на трибуне... другое лицо, — худое, хищное, неумолимое...» [Толстой, 1927, с. 10]). Одновременно достигается впечатление единства Англии 1916-го и 1927-го гг. в ее враждебности к России (СССР). Завершает эту линию демонстративное противопоставление обеих стран как непримиримых врагов в начале статьи «За родину! За Сталина!»: «Возглавляемая Англией мировая реакция готовит планомерное, научное истребление человечества <...> Перед стариковским взором Чемберлена... плывут счастливые миражи: дымящиеся развалины гигантских городов, ландшафты, залитые нарывными газами, ряды сосновых крестов от океана до океана <...> другая сторона дела — это Иосиф Сталин, возглавляющий... силы революции, назначение которой — спасти человечество от физической и духовной гибели...», обеспечить «высшее, гармоническое развитие человеческого общества» [Толстой, 1953, с. 452–453].

Удивительным делом Англия занимает здесь место Германии из очерков 1916 г., где описывались произведенные немцами варварские разрушения: «обезображенная земля, несчастный Ипр, сровненный с землей», «исковерканная дорога», «бензиновая гарь и грязь» [Толстой, 1916, с. 54]. А ведь в 1916 г. англичанам, по Толстому, «снилась мировая гармония» и будущее Англии виделось ему «в широко понятом социализме» [Толстой, 1916, с. 48].

Антиподами являются и залы заседаний: палаты английского парламента и зал Кремлевского дворца в Москве. Контрастны их интерьеры; бодрый «вечно живой» скульптурный Ленин как бы противопоставлен понурому, явно отжившему свое лорду-канцлеру из палаты лордов, капиталисты и промышленники в палате общин — рабочим, колхозникам и т.п.

Так художественные приемы и находки 1916-го и 1927-го гг. развиваются и переосмысляются в статьях 1930-х гг.

Советские издатели обратили внимание на военные корреспонденции Толстого только в 1980-е гг., когда впервые после 1916 г. стало возможным перепечатать три небольших фрагмента из очерков «В Англии» в неизменном виде: «Уэлльс», «Оскар Уайльд в Лондоне», «Уголки России» [Толстой о литературе..., 1984, с. 42–51]. Публикация снабжена характерным для этой эпохи комментарием о разделявшемся Толстым «ложнопатриотическом угаре» [Толстой о литературе..., 1984, с. 481]. Те же фрагменты были еще раз перепечатаны в пятитомном собрании сочинений Толстого в 1995 г. [Толстой, 1995, с. 435–444]. На этом заканчивается история публикаций и автореминисценций военных корреспонденций Толстого из Англии 1916 г. В изданиях писателя начала XXI века они не воспроизводились ни в каком виде.

Таким образом, даже в наиболее полной своей версии в Собрании сочинений Толстого 1916 г. военные корреспонденции писателя из Англии представлены не целиком: пропущены очерки «Прогулка с Конан-Дойлем» и «Крепкое развлечение». В советское и постсоветское время английские корреспонденции Толстого перепечатывались в урезанном или искаженном виде. Поэтому актуальна задача их полной аутентичной републикации (впервые после 1916 г.), в связи с чем возникает текстологическая проблема, для которой можно предложить следующее решение: за основу берется книжный вариант 1916 г., составленный самим автором, к нему (видимо, в приложении) добавляются не вошедшие туда газетные очерки «Прогулка с Конан-Дойлем» и «Крепкое развлечение».

Воссоздание одной из граней эпохи Первой мировой войны, преломленной в творчестве выдающегося писателя, представляется важным для полномасштабного понимания ее контекста.

Список литературы

- Петроград. 1923. № 4 (1 июля).
Русские ведомости. 1916. 22 марта.
Толстая Е.Д. Деготь или мед: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917–1923). М., 2006.
Толстой А.Н. Т. VI: В Англии. На Кавказе. По Волыни и Галиции. 2-е изд. 1916.
Толстой А. Англичане, когда они любезны: Фельетон // Огонек. 1927. № 16 (17 апр.).
Толстой А. Англичане, когда они любезны. Л., 1927 (Б-ка журн. «Бегемот». № 81).
Толстой А.Н. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1946–1953. Т. 13.
Толстой А.Н. Избр. соч.: В 6 т. М., 1953. Т. 6.
Толстой А.Н. Собр. соч.: В 10 т. М., 1958–1961. Т. 10.
Толстой А.Н. Собр. соч.: В 10 т. М., 1982–1986. Т. 10.
Толстой А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1995. Т. 4.
А.Н. Толстой о литературе и искусстве: Очерки. Статьи. Выступления. Беседы. Заметки. Записные книжки. Письма / Сост. Ю.М. Оклянский, Н.В. Лихова. М., 1984.